

— Теперь, когда наследник взошел на престол, новый правитель только что вступил на трон, и использование старого титула — это дань уважения воле покойного императора, а также благодарность за спасение жизни учителем.

— Ваше Высочество, говоря о моем учителе с пренебрежением, вы, конечно, делаете это из заботы о Его Величестве и государстве. — Произнося эти слова, Чу Циюнь все еще стоял в поклоне, но вдруг поднял взгляд, и в его узких глазах вспыхнули искры. — Но если эти слова услышат глупцы, они могут подумать, что Ваше Высочество ведет себя высокомерно и намеренно противоречит новому правителю.

— Ты! — Князь Цзиньань никогда не подвергался такому обращению и сразу же хотел наказать этого наглого даоса.

Верховный воевода Чжан незаметно остановил его, улыбнувшись:

— Этот даос — мастер словесных баталий.

Князь Цзиньань не хотел сдаваться, но в этот момент дверь открылась, и Евнух Ван пригласил князя Цзиньань и Верховного воеводу Чжан войти. Князь Цзиньань сердито махнул рукой и ушел, а Верховный воевода Чжан, проходя мимо молодого даоса, бросил на него косой взгляд, полный скрытого смысла.

Парчовый мешочек с «предсказанием судьбы» был в руках императора, и князь Цзиньань с Верховным воеводой Чжаном наблюдали за ним, каждый со своими мыслями. Сяо Юйшань поднял руку, и Евнух Ван почтительно подошел с черным деревянным подносом.

— Этот мешочек я передаю вам, мои верные подданные, чтобы вы его открыли. — Сяо Юйшань смотрел на них своими прекрасными глазами, похожими на цветы персика, его улыбка была безобидной, и в ней невозможно было найти изъян.

Князь Цзиньань бросил взгляд на даоса Цанъяна, стоявшего в стороне, с явным пренебрежением, затем взял мешочек, поданный Евнухом Ваном, и внимательно его рассмотрев, нахмурил брови:

— Это...

Верховный воевода Чжан опустил взгляд, его улыбка исчезла, но через мгновение он снова улынулся.

— Супруга Хуэй благородна и добродетельна, но она не избрана судьбой, что действительно печально. — Сяо Юйшань глубоко вздохнул, хотя уже знал результат, но ему нужно было сделать вид.

Князь Цзиньань сердито посмотрел на даоса, затем поклонился Сяо Юйшаню, намереваясь возразить:

— Ваше Величество, выслушайте меня...

— Ваше Величество совершенно правы. — Верховный воевода Чжан снова вмешался, решив выступить в роли миротворца. — Старый небожитель уже предсказал судьбу, но кто из дворцовых дам сможет взять на себя такую ответственность?

Даос Цанъян не ответил, лишь развел рукава и поклонился императору. Сяо Юйшань понимал,

что даос не может сказать ни слова, поэтому медленно произнес:

— Я тоже очень удивлен, но согласно предсказанию, избранная судьбой женщина пока не находится во дворце.

Верховный воевода Чжан, услышав это, не перестал улыбаться, но в его словах появилась нотка беспокойства:

— Но государство не может долго оставаться без императрицы, и Вашему Величеству нужен кто-то, кто сможет управлять дворцом.

— Может быть...

Прежде чем Верховный воевода Чжан закончил, Сяо Юйшань снова медленно вставил свою реплику, окончательно прервав его мысль:

— Может быть, временно передать это Ее Величеству Императрице-матери?

Может быть, временно назначить Супругу Хуэй.

Это было то, что хотел сказать Верховный воевода Чжан, но хотя император был молод, он был довольно хитрым, и одной фразой он пресек его намерения.

После завершения обсуждения, уже наступил полдень, Сяо Юйшань с улыбкой предложил своим верным подданным остаться на обед, его глаза сияли, улыбка была теплой, как весеннее солнце. Оба министра, конечно, не были в настроении и, сославшись на дела, откланялись и отправились домой.

Сяо Юйшань приказал приготовить вегетарианский обед, затем подозвал Евнуха Вана и шепнул ему несколько слов с таинственным видом. Евнух Ван сначала был озадачен, но, будучи опытным человеком, быстро сообразил и поспешно удалился.

На вегетарианском обеде присутствовали только Сяо Юйшань, даос Цанъян и молодой даос, сопровождавший учителя.

Сяо Юйшань, глядя на зеленые овощи в своей тарелке, сказал:

— Я помню, когда я был еще ребенком и лечился в храме Сюйхэ, больше всего я любил это блюдо из жареных овощей.

Тогда это блюдо ему подавал кто-то другой. Сяо Юйшань с улыбкой посмотрел на молодого даоса, который сидел, не отводя глаз, как настоящий даос.

Заметив пристальный взгляд императора, Чу Циюнь, несмотря на голод, отложил палочки и встал, чтобы поклониться:

— Вкусы Вашего Величества не изменились за эти годы, вы действительно верны своим привычкам.

— Даос Чу, не нужно так церемониться, садитесь. — Сяо Юйшань улыбнулся ему, и когда тот снова взял палочки, чтобы взять вегетарианскую фрикадельку, он снова заговорил:

— Тогда даос Чу был еще ребенком, но он день и ночь ухаживал за мной, приносил мне чай и лекарства, я до сих пор это помню.

Едва он поднес фрикадельку ко рту, как снова отложил палочки, встал и поклонился:

— Я не заслуживаю такой благодарности.

Сяо Юйшань поднял брови, его улыбка стала еще шире, и даже ямочка на щеке казалась более живой:

— Даос Чу, не нужно так церемониться, садитесь и ешьте.

— Хорошо. — Чу Циюнь снова сел, но прежде чем Сяо Юйшань успел снова заговорить, он вдруг встал и поклонился:

— Я жду.

Сяо Юйшань, собираясь что-то сказать, был застигнут врасплох и немного растерялся. На главном месте сидел красивый император, слегка поправив рукава, он с искренностью сказал:

— Похоже, даос Чу уже закончил трапезу, а как насчет старого небожителя, понравилась ли ему еда?

Учитель, наблюдавший за тем, как его ученик и император обмениваются репликами, уже наелся и сказал:

— Я тоже закончил, еда во дворце, конечно, вкуснее, чем в храме.

— Это хорошо. — Сяо Юйшань махнул рукой, приказав убрать стол.

Чу Циюнь смотрел на фрикадельку, которую так и не попробовал, и его живот заурчал, а сердце вздохнуло.

После обеда император ушел на отдых, а телохранитель Ань отвел даоса Цанъяна в другое место для отдыха, но по приказу оставил молодого даоса, попросив его подождать в теплом зале.

Дверь за ним закрылась, и Чу Циюнь незаметно осмотрел маленькую боковую комнату. Перед ним стояло резное кресло, на котором лежал красавец, сбросивший официальную одежду и корону, он лежал на боку, как цветущая магнолия, излучая бесконечное очарование.

— Ты правда не голоден? — Красавец посмотрел на него с улыбкой, ямочка на щеке делала его еще более живым.

Чу Циюнь, обладая гордостью, поднял голову и сердито сказал:

— Совсем нет.

— Похоже, я зря старался. — Сяо Юйшань глубоко вздохнул, медленно указав на горячие блюда на столе, с видом сожаления.

Оказывается, Сяо Юйшань приказал Евнуху Вану заранее приготовить два мясных блюда — суп из голубя с ягодами годжи и сладкие фрикадельки, а также две тарелки белоснежного риса.

Живот Чу Циюня предательски заурчал, и он оказался между чувством собственного достоинства и голодом:

— Это...

Сяо Юйшань сел за стол и нарочито принял императорский вид, слегка кашлянув:

— Неужели мне самому нужно будет есть?

Чу Циюнь, будучи умным человеком, быстро понял намек и пошел на уступки:

— Я буду обслуживать Ваше Величество.

— Какое блюдо вы хотите?

— Вот это. — Сяо Юйшань лишь мельком взглянул, демонстрируя свое превосходство.

Чу Циюнь разделил сладкую фрикадельку пополам и положил одну половину на тарелку императора. Но Сяо Юйшань не стал есть, а с важным видом сказал:

— Не так.

— Я хотел не это, ты заслужил наказание. — Сяо Юйшань улыбнулся, в его глазах мелькнула хитрость. — Наказание — съесть это самому.

Чу Циюнь, который был очень голоден, был только рад:

— Благодарю Ваше Величество.

— Вот это да. — Сяо Юйшань больше не стал его мучить и сказал:

— Садись и ешь.

Несмотря на свою внешность, напоминающую небожителя, Чу Циюнь был далеко не святым. С юных лет у него была странная связь с Сяо Юйшанем. За эти годы они то сходились, то расходились, и в конце концов у них завязалась странная связь. Хорошо, что даос Цанъян не знал правды, иначе он бы выгнал его из храма.

Сяо Юйшань тоже не любил вегетарианскую еду, поэтому заранее приказал Евнуху Вану приготовить мясные блюда, а во время обеда не дал Чу Циюню наесться, чтобы он мог насладиться свежей едой.

Сяо Юйшань, видя, как он с удовольствием ест, не заботясь о нарушении обетов, насмешливо сказал:

— Ты, лже-даос, однажды тебя разоблачат.

— Даосизм живет в моем сердце, а не в мясе и вине. — Чу Циюнь не обращал внимания на его шутки и продолжал есть. — Кроме того, я пошел в храм только в пять лет, как я могу избавиться от привычки к мясу, которая была у меня с детства?

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16210/1455314>